

шуточное наказание за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из Тилемахиды страницу; а за важнейшую — выучить из оной шесть строк. Сей закон написан был золотыми буквами на таблице, которая и до ныне дела».

Карамзин рассказывает этот «анекдот» иначе: «Екатерина II, любя успехи Российского языка, желала, чтобы в избранном обществе Эрмитажа все говорили по Русски... За всякое иностранное слово, вмешанное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из Тилемахиды Тредиаковского». В «Сыне Отечества», издаваемом Н. Гречем и Ф. Булгариным, часть 175, СПб., 1836, имеется статья «Литературные забавы Екатерины Великой в Эрмитаже», где сообщается: «Эрмитажные правила, написанные Императрицею, выставлены были в галерее, ведущей из внутренних комнат дворца. Оне и донныне хранятся там в рамке под занавескою. Дух их виден из того, что в наказание преступникам предписывалось законодательницею — выпить стакан холодной воды, или выучить несколько стихов из Тилемахиды Тредьяковскаго, судя по важности преступления» (82 стр.). В журнале «Всякая всячина», которым руководила Екатерина, настойчиво рекомендуется чтение Тилемахиды, как лекарство от бессонницы (1769 г.). Нам, однако, кажется, что в Тилемахиде не нравилось Екатерине не форма, а содержание.

Екатерина не могла отнестись к Тилемахиде иначе, чем отнесся к Тилемаку Фенелона Людовик XIV и его двор — «la plus flatteuse Cour qu'il y ait peut-être jamais eu au monde», что в той же мере можно сказать и о дворе Екатерины. Фенелон сам признавался впоследствии, что хотел представить в Приключениях Тилемака «все истины, необходимые для правительства, и все прегрешения, в которые может впасть верховная власть». Его современники пошли дальше. Колоссальный успех «Тилемака» объясняется тем, что читатели усматривали в этой поэме прозрачные намеки на хорошо знакомых лиц. В Идоменеe узнавали Людовика XIV, в Протезиласе маркиза де-Лувуа, в Астарбее — маркизу де-Монтеспан, королевскую любовницу, и т. д. (см. les Remarques при лондонском издании 1780 г., воспроизведшем роттердамское издание 1725 г.). Все это однако несомненное преувеличение. Фенелон в своей критике имел в виду более широкие задачи, и на него с одинаковым правом могли обидеться и Людовик XIV со своими министрами и любой король и министр, как справедливо заметил Н. И. Раддиг. Критика и оппозиция абсо-